

ОБ ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА *ЛОШАДЬ*

Д. С. СЕТАРОВ

С праславянской эпохи существуют названия *конь* и *кобыла*, обозначающие самца и самку лошади. Однако исконное родовое название этого животного в современных славянских языках не сохранилось. «Вполне возможно, что известное в большинстве индоевропейских языков *ekwos „лошадь“ еще существовало в праславянском или протославянском, а затем исчезло, как это, например, произошло уже в период письменной истории в литовском языке, а также во всех романских языках» [Трубачев, 1963, с. 48]. В функции родового термина в русском языке первоначально употреблялось слово *конь*, а затем эта функция перешла к слову *лошадь*. Впервые данное слово встречается в Лаврентьевской летописи (1103 г.) в знаменитой речи Владимира Мономаха: „Дивно ми, дружино, оже лошадию жалуете, ею же ктс ореть; а сего чему не промыслите, оже то начнеть орати смердь, и при ехавъ половчинъ ударить и стрелою, а лошадь его поиметь... То лошади жаль, а самого не жаль ли?“ [ПСРЛ, I, с. 277]. В середине XVIII в. А. П. Сумароков впервые высказывает мнение о татарском происхождении слова: „лошадь от алаша и ат“ [IX, с. 274–277]. В 1769 г. в журнале „Поденщина“ Василий Тузов публикует списки восточных слов в сопоставлении с русскими. В этой работе повторяется тюркская этимология слова: *алаша* „мерин“ и *ат* „конь“, а от сих двух слов произошло русское название *лошадь*. Эта этимология получила широкое распространение как в отечественном, так и в зарубежном языкознании, чему способствовала фонетическая близость слова *лошадь* с тюркским *алаша* „мерин“. Безударное начальное *а* легко могло отпасть в русском языке, как это случилось в словах *лачуга* (тат. *алачиг* „хижина“, „шалаш“) и *лафа* (араб. *лафа* „корм“, „фураж“). Начальное *а* могло исчезнуть и на тюркской почве: *алаша* > *алаша* > *лаша*. Чувашское *лаша* „мерин“ позволяет предположить эту форму и в языке предков чувашей – болгар, откуда она и могла попасть в древнерусский язык. Ф. П. Филин также наиболее вероятным непосредственным источником заимствования считал болгарский язык [1982, с. 562]. И. Г. Добродомов допускает, что им мог быть и печенежский язык, подвергшийся значительной болгаризации [1966, с. 9]. До нас дошли письменные свидетельства того времени о продаже печенегами лошадей восточным славянам.

Однако следует признать, что этимологизация слова *лошадь* на тюрк-

ской почве значительно затрудняет окончание *-дь*. Это привело к появлению новых версий. „Начало слова *лошадь* есть *лошя*, уменьшительное от тур. *алаша* „низкий, мелкая порода лошадей“ (казан.), „мерин“ [Корш, 1903, с. 43]. И. И. Срезневский также допускал форму *лошя*, как *сеиня*. Высказывалось мнение, согласно которому слово *лошадь* было заимствовано из одного из тюркских языков с окончанием местного падежа *алашады* „на лошади“ [Булаховский, 1953, с. 123]. Однако и в этом случае остается неясным, почему отпал конечный *а* и произошло смягчение *д*.

Р. Ф. Брандт развил высказанную Ф. Миклошичем мысль с тем, что форма *лошадь* есть имя собирательное, подобное сербским *ждрѣбад* „жеребята“, *тѣлѣд* „телята“, которое уже в дальнейшем вновь превратилось в „имя единичности“ [1887, с. 34]. „Это было бы недурно, если б в русском языке были употребительны подобные собирательные, а между тем Брандт не приводит ни одного примера. Как кажется, нам удалось найти один: это „рухлядь“ от „рухло“ или „рухла“. С другой стороны, слово „лошадь“ в сербском языке неизвестно“, — писал П. М. Мелиоранский [1905, с. 1]. М. Фасмер выразил свои сомнения в допустимости ссылок на сербские собирательные имена и относительно элемента *-дь* в слове *лошадь*: предложил аналогию в др.-рус. и церк.-слав. *ослъдъ* „дикий осел“ [11, с. 525].

Было также высказано предположение о том, что русское *лошадь* „имеет какой-то иранский источник“: „В осетинском языке (иронский диалект) имеется слово *лашаг* „рабочий скот (отличающийся большой физической силой)“ и глагол *лашын* „возить, перевозить, увозить, транспортировать“ [Серебрянников, 1971, с. 211]. Однако, на наш взгляд, эта версия происхождения слова *лошадь* в фонетическом и особенно в семантическом отношении находится еще дальше, нежели тюркская этимология слова. Г. Ф. Одинцов допускает, что „осетинское диалектное *лашаг*, не являясь непосредственным источником русского термина, может, действительно, сказаться родственным тюркскому *лоша*, *алаша*: тюрко-монгольские племена неоднократно выступали на протяжении своей истории в тесный языковой контакт с иранскими народами“ [1974, с. 128].

Говоря об этимологии слова *лошадь*, Г. Ф. Одинцов предполагает контаминацию тюркского *алаша*, *лаша* „мерин, низкорослая лошадь“ и русского краткого прилагательного *лоша* „плохая“ (церк.-слав. *лошь* „плохой, дешевый“, *диал.* (костромск.) *лоший* „плохой, дурной“). От основы прилагательного *лоший*, по мнению ученого, образовалось слово *лошадь* с помощью суф. *-ядь*. „На такое словообразование названия *лошадь* могли отчасти натолкнуть тюркские формы *алаша* — *алашада* (местный падеж), *алашат* из *алаша ат*“ [1970, с. 7–8].

Первоначально слово *лошадь* обозначало лишь крестьянскую, рабочую лошадь, но не воинского и верхового коня, т. е. имело значение, близкое к тюркскому *алаша* (*лаша*) „мерин“ (тат., башк., чув., туркм., крым.-тат., ног., кум., кбалк.); „кляча“ (азерб.); „маленькая, низко-

„оглая лошадь“ (взб. диал.); „худая невзрачная лошадь“ (тур. диал.) „мерин“, „кляча“ (башк.), „высокая неуклюжая лошадь“, „лошадь подготовленная для убоя“ (башк. диал.). Тюркское *аша* этимологиически связано с *ал*, имеющим основное значение „быть, становиться слабым, бессильным, немощным“ [Савортян, 1974, с. 136]. О том что тюркское слово *ат* „лошадь“ также имело этимологическое значение „мерин“, говорит татарская поговорка: *айгыр ашыкыса ат булы* „если жеребец слишком горячится, то быть ему мерином“.

Не отвергая полностью тюркскую этимологию слова *лошадь*, мы хотим развить версию об исконном характере слова в русском языке. В русском языке имеется целый ряд имен существительных, образованных от имен прилагательных при помощи суффикса *-ядь*, *-адь*. *Мокрядь* „сырость, дождливая погода“, „влага, мокрота“ < *мокр (ый)* + суф. *-ядь*. *Пестрядь* „грубая льняная или хлопчатобумажная ткань из разноцветных ниток, обычно домотканная“ < *пестр (ый)* + суф. *-ядь*. *Плоский* < *плоск (ий)* + суф. *-ядь*. Сочетание *ск* перешло в *шч* (др.-русск. *гловшчадь*). *Рухлядь* < *рухл (ый)* „скорый, быстрый“ (< *рухать* „двигать, трогать“ < *рух* – общеслав. „движение“) + суф. *-ядь*. Первоначально *рухлядь* „движимое имущество“. *Чернядь* – спец. „темно-красная охра“; простореч. устар. „то же, что чернь“ < *черн (ый)* + суф. *-ядь*. Вполне вероятно, что аналогичное образование имеет и слово *лошадь*: диал. (костромск.) *лош (ий)* „дурной, плохой“ (церк.-слав. *лошь* „плохой, дешёвый“) + суф. *-ядь*. Такое название животное могло получить из табуистических соображений. Ср. распространенное название домашнего скота: *худоба*, *худобина*, *худовина* [Даль, IV, с. 568]. Этот же корень *лош-* и в прилагательном *лошальный* „о рыбе: потерявшая в весе в период нереста, обладающая худшими вкусовыми качествами (а потому и ценящаяся дешевле)“ [СРНГ, XVII, с. 167].

О том, как слово *лошадь* осваивалось русским языком, и об отношении к нему некоторых архаизмов свидетельствует высказывание А. П. Сумарокова: „В славянских наших книгах конь лошадыю nigdy не называется, и слово „лошадь“, хотя и неисходимо нашему языку присвоено, однако всегда пребудет словом низким, как „кафтан“ и все новыя некстати введенные в наш язык, дикие слова [IX, с. 274–277]. Постепенно „некстати введенное в наш язык, дикое слово“ *лошадь* не только вошло во всеобщее употребление, но и в значительной степени потеснило наименование *конь*.

Уже отмечалось, что в древнерусских текстах слово *лошадь* имело сниженную стилистическую окраску и некоторый семантический оттенок дурной, плохой лошади, не коня. В современном русском языке слова *конь* и *лошадь* часто сохраняют различную стилистическую нагрузку. Слово *лошадь* – нейтральное, будничное, рабочее, а *конь* – экспрессивное, употребляется для выражения высокого стиля, имитации фольклора и в профессиональной кавалерийской лексике.

В древнерусских памятниках XII в. встречается название помеси осла и кобылы *лошекъ* – производное при помощи суф. *-экъ* от той же основы, что и в слове *лошадь*. Интересно отметить, что в современ-

ном русском языке это слово изменило свое значение и стало означать „помесь жеребца и ослицы“ [БСЭ, XV, с. 39]. В русских народных говорах отмечены слова *ланшак*, *лошак* (тамб.), *лошняк* (новг., перм.) „годовалый жеребенок“ [Даль, II, с. 270, 266 на слова *лошадь*, *лони*]. Можно предположить, что эти названия возникли в результате контаминации слов *лоша* „маленькая, низкорослая лошадь“ и диал. (сев., вост.) *лони* „прошлого года, в прошлом году“.

Связь двух столетий существует тюркская этимология слова *лошадь*. Эта этимология отражена во всех существующих этимологических словарях русского языка и в многочисленной научной и учебной литературе. В данной статье автору хотелось по-новому взглянуть на происхождение этого слова.

ÜBER DIE ETYMOLOGIE DES WORTES *ЛОШАДЬ*

D. S. SETAROW

Zusammenfassung

Über zwei hundert Jahren existiert eine türkische Etymologie des Wortes *лошадь*. Diese Etymologie wurde in allen existierenden etymologischen Wörterbüchern der russischen Sprache und in zahlreichen Wissenschaftlichen und Lehrliteratur betrachtet.

Im Artikel stellt der Autor eine originelle Version über die ureigenrussischen Entstehung des Wortes auf.

ЛИТЕРАТУРА

- БСЭ — Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. М.
Брандт, 1887 — Брандт Р. Ф. Об этимологическом словаре Миклошича // Русский филологический вестник. Варшава, 1887. Т. 18.
Булаховский, 1953 — Булаховский Л. А. Введение в языкознание. М.: Учпедгиз, 1953.
Даль, т. 1—4 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 1—4.
Добродомов, 1966 — Добродомов И. Г. История лексики тюркского происхождения в древнерусском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. н. М., 1966.
Корш, 1903 — Корш Ф. Е. Турецкие элементы в языке „Слова о полку Игореве“ // ИОРЯС, 1903. Т. 8, кн. 4.
Молиоранский, 1905 — Молиоранский П. М. Звмствованные восточные слова в памятниках русской письменности домонгольского времени // ИОРЯС. 1905. Т. 10, кн. 4.
Одинцов, 1970 — Одинцов Г. Ф. История русских названий лошадей: Автореф. дис. ... канд. филол. н. М., 1970.
Одинцов, 1974 — Одинцов Г. Ф. Еще раз к этимологии слова *лошадь* // Этимология-1972. М.: Наука, 1974.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М., 1962—1965. Т. I—XV.
Севортян, 1974 — Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1974.
Серебренников, 1971 — Серебренников Б. А. Этимологические заметки // Этимология-1968. М.: Наука, 1971.
СРНГ — Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. Л., 1965—1980. Вып. 1—16.
Сумароков, IX — Сумарокова А. П. О истреблении чужих слов из русского языка // Полн. собр. соч. М., 1781—1782. Т. IX.

Трубчев, 1960 — Т р у б а ч е в О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М.: Наука, 1960.

Фесмер, т. 1 — Ф а с м е р М. Этимологический словарь русского языка В 4-х т. М.: Прогресс, 1964—1973.

Филин, 1962 — Ф и л и н Ф. П. Образование языка восточных славян. М. Наука, 1962.

Шяуляйский педагогический институт
Кафедра современного русского языка

Сентябрь, 198